

выигрышные стороны ее стиха» (личный архив Е.).

К моменту появления первой книги Е. вернулась в Оренбург, где в том же 1972 был издан коллективный сб. «К другу» с подборкой ее стихов. В Оренбурге Е. работала в городском отделе культуры, с 1977 по 1983 была редактором Оренбургского отделения Южно-Уральского книжного изд-ва.

В начале 1980-х Е. публикует свои стихи в коллективных сб. «Монолог» (Челябинск, 1981) и «Сенокосы» (М., 1984). В 1986 в Москве увидела свет ее книга **«Тепло руки»**. В центре поэтического мира Е.— женская судьба, ощущение первородства природы, щемящее чувство родины. Приоритеты поэта всегда на стороне жизни: «И вот уже судьбы рука / Скрутила жизнь. / Все туже, злее! / Тогда и вырвалась строка — / Та, что была душой моею» (**«Пока жилось...»**). Поэтическое слово появляется как результат пережитого в жизни, отсюда искренность ее интонаций, естественность образов.

Вторая книга являет читателю не только новый уровень осмысления бытия, но и новые грани худож. мастерства автора. По мнению В. Цыбина, «стихи у Е. легкие, распевные... В них чувствуется ярко выраженная фольклорная стихия... Настолько емки эти строки, настолько в них много песенного размаха, который еще более усиливается речевыми повторами, особой, ведущей ролью эпитета» (личный архив Е.). Не случайно творчество Е. привлекло внимание музыкантов. На ее стих. **«Годовщина»**, **«Утреннее»**, **«Колыбельная»**, **«Подмосковные элегии»** и др. уральскими композиторами написаны песни и романсы.

В третьем сб. **«Пора»** (1990) много стихов, отражающих более пристальное, чем прежде, внимание Е. к непростым общественным проблемам, попытку расширить лирический кругозор. Программным для творчества Е. стало стих. **«Урок»**, в котором автор обращается ко всему «лит. цеху» родной страны: «Ведь только корни прорастают новым: / Ростком, что даст благословенный плод, / Надеждой — той, что вдохновит народ, / Дорогой — без провалов и колдобин...» В стих. **«Пора»**, **«Авария»**, **«Поколение»** и др. четко выражена гражданская позиция Е., осмысление и утверждение которой продолжилось и в произведениях четвертого сб. **«После сотворения»** (1994). Приметы времени здесь четки и узнаваемы: «И вот стало тесно и шумно: / Вчера воспевали бездумно, / А нынче бездумно кланут, / Плюют на святыхи веков, / Глумятсь над бедной и слабой, / С какою-то тайной

усладой, / Роняют: „Страна дураков“...» Позиция автора тоже весьма определена: «...Живем на одном берегу, / Давно все повязаны кровно. / Так в чем ты, Отчизна, виновна, / Пред кем ты, родная, в долгу?...»

Однако социальная острота поздней лирики Е. не заслоняет ее глубокого лирического контекста. «Равномерное распределение лирического материала по всему стиху» (В. Цыбин) наблюдается как в произведениях философского звучания: «Холодом сиротства мир объят. / Неужели нет пути назад?...» (**«После сотворения»**), так и в мастерски простых сюжетных зарисовках: «Нечасто мне везет, что говорить! / Надрать пол, варенье наварить, / Балкон, что бриг, в простынках-парусах, / Легко струилось время на часах» (**«День»**). Четвертая книга Е.— многоцветная, порывистая, ставящая много острых вопросов.

В 1990-е Е. работала редактором областной науч. библиотеки в Оренбурге, редактором отдела культуры в газ. «Южный Урал», с 2001 — редактором отдела областного ж. «Оренбургский край», активный наставник и помощник начинающих поэтов и прозаиков.

С 1981 Е.— член Союза журналистов, с 1989 — СП РФ.

Соч.: Земные узы. Саратов, 1972; Тепло руки. М., 1986; Пора. Челябинск, 1990; После сотворения. Калуга, 1994; Стихи // Вечерний альбом: Стихи русских поэтов. М., 1990; Стихи // И с песней молодость вернется: Сб. стихов и прозы писателей Оренбуржья. Калуга, 1999.

Лит.: Семенова Е. День творенья // Лит. Россия. 1987. № 29. 17 июля. С. 19; Корсунов Н. На костре, если надо, сгорать... // Оренбургская неделя. 1994. № 9. 11 марта. С. 5; Орябинский Ю. Боль и тепло души // Южный Урал. 1997. 20 сент. С. 4.

Т. В. Рябова

ЕРЁМЕНКО Александр Викторович [25.10.1950, д. Гоношиха Алтайского края] — поэт.

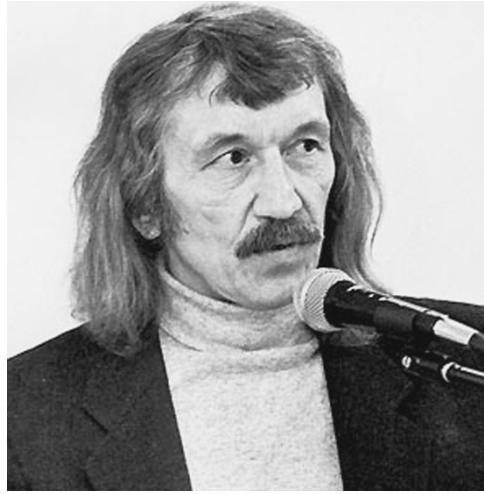
Из крестьянской семьи. После окончания школы (г. Заринск) был лит. сотрудником газ. Сорокинского р-на (Алтай) «Сельская новь». Был мряком, строителем, кошегаром. В 1974 приезжает в Москву и поступает на вечернее отделение Лит. ин-та (не окончил). Стихи пишет с конца 1960-х. Долгое время они распространяются только в самиздате. 8 июня 1983 становится участником одного из первых программных выступлений московских поэтов «новой волны» на вечере в ЦДРИ на тему «Стилевые искания в совр. поэзии: К спорам о материализме и концептуализ-

ме». Во второй половине 1980-х примыкает к кругу литераторов «Московского клуба „Поэзия“». Тогда же начинает печататься в журналах и коллективных сб. в СССР и за рубежом. В 1990 выходит первая книга стихов **«Добавление к сопромату»**.

Е. причисляется к поэтам-метафористам (вместе с И. Ждановым, А. Парщиковым, О. Седаковой), однако в его поэзии «можно найти совершенно оригинальные и самостоятельные тексты, представительные в то же время для самых различных течений „новой“ поэзии: от „концептуализма“ до „метареализма“ (по терминологии М. Эпштейна). Художественный опыт А. Еременко не эклектичен, но синтетичен и потому особенно значим для понимания» (Липовецкий М.— С. 231). Е. не чужд также социальной, актуально-злободневной проблематике («сухой закон», появление общества «Память» и т. д.). С социальной позицией автора связано его негодование по поводу прискорбного факта зависимости лит-ры (несущей при этом невосполнимую утрату) от чуждых ей, препятствующих ее развитию сил.

Лит. традиции поэзии Е. восходят к авангардизму XX в.: «Мирообраз А. Еременко складывается на пересечении двух „еретических“ же традиций — традиции обэриутов (достаточно внешней для Еременко) и куда более значимого для этого поэта традиции Мандельштама — Бродского» (Липовецкий М.— С. 233). С первыми поэзия Е. более всего созвучна присущим ей мотивом примитива. В то же время «Еременко — поэт сложный, да еще все время, кажется, смеивается, что не устраивает многих критиков и читателей. Это неудивительно: необычным, „потусторонним“ взглядом, опрокидывающим привычное восприятие, рассматривает он вещи и явления, пытается приблизиться к их сути» (Жуков И.— С. 146).

На героях Е. лежит печать хаоса и абсурда, в его поэзии новой ступени развития достигают взаимоотношения между реалиями технического прогресса и природой, образы последней лишены здесь очарования первозданности и свежести: «Гальванопластика лесов. / Размешан воздух на ионы. / И переделькинские склоны / смешны, как внутренность часов» («**Переделкино**»). Взаимопроникновение реалий природы и НТР — доминирующая черта поэзии Е.: «Разворочена осень торпедами фар» («**Ночная прогулка**»), «В глуши коленчатого вала, / в коленной чашечке кривой / густая ласточка летала / по возмутительной кривой» («**В глуши коленчатого вала...**»). В связи с этим возни-



А. В. Ерёменко

кает в поэзии Е. мотив «двоения»: «И снова двоичная смута у входа встает на ребро», «Ее один грызет вопрос — она не хочет раздвоиться».

О заведомой невозможности объединения прогресса и природы свидетельствует витающий над всей поэзией Е. дух абсурда и хаоса, довлеющий даже над ее лиризмом, что приводит к развитию в ней элементов сарказма и гротеска, что находит отражение в самих названиях стих.: «**Цветы не пахнут. Пахнет самосвал...**», «**Сама в себе развешана природа...**», «**В устах раздвинут соловей...**», «**Я сидел на горе, нарисованной там, где гора...**» и т. д.

Е. является мастером центонного стиха, подняв его с уровня стихотворной шутки на уровень (как и у Д. Пригова) поэзии «концептуальной»: «Мне надоело корчиться в строю, / Где я уже от напряженья лаю. / Отдам всю душу октябрю и маю, / но не тревожьте хижину мою» («**Сонет**»).

Что касается структуры поэтического образа Е., то исследователями отмечается контрастность составляющих его компонентов: «Образы „сюрреалистические“, обязанные своим рождением сну, подсознанию, опираются в его поэзии на рациональный каркас, ощущаемый хотя бы в частом обращении к строгой сонетной форме» (Жуков И.— С. 149). Др. исследователем строгая структурность и «терминологичность» стиха Е. («точная, а часто и тавтологическая рифма, жесткий ритм, подчеркнутая верность устойчивым силлаботоническим структурам; образ — чеканка гротеска, а не акварельность психологических переливов») объясняется попыткой поэта

«сознательно культивировать строгость поэтической мысли, ее непоколебимую четкость — в поединке с разьедающим хаосом современности, в преодолении его изнутри, — начиная с механизмов собственного эстетического сознания» (Липовецкий М.— С. 255).

Соч.: Добавление к сопромату. М., 1990; Стихи. М., 1991; Инварианты. Екатеринбург, 1997.

Лит.: Липовецкий М. Ерься Еременко // Липовецкий М. Свободы черная работа. Свердловск, 1991; Курцын В. «Центровой» Еременко: (О поэзии А. Еременко) // Дружба народов. 1991. № 9; Жуков И. Поэтический мир Александра Еременко // Творчество писателя и лит. процесс. Иваново, 1991; Постникова Т. Александр Еременко // Постникова Т. Если ты носишь начало времени в ушах... М., 1995; Агеносов В., Анкудинов К. Совр. русские поэты. М., 1998; Богданова О. Совр. лит. процесс. СПб., 2001; Кулакова М. Сгорая, речь напоминает спирт... // Лит. газ. 2001. № 14. С. 10; Уланов А. Ожидающий дар // Дружба народов. 2003. № 2. С. 206.

А. И. Михайлов

ЕРМАКОВ Олег Николаевич [20.2.1961, Смоленск] — прозаик.

Работал лесником Баргузинского, затем Алтайского и Байкальского заповедников (1978–79). Был сотрудником районной газ. «Красное знамя» (1979–81), корреспондентом в смоленской областной газ. «Смена» (1983–85), сторожем, сотрудником Гидрометеоцентра (1985–89). Участник войны в Афганистане. После демобилизации окончил Смоленский педагогический ин-т, работал учителем. С 1989 — член СП СССР.

Война в Афганистане — ключевая тема творчества Е. Первые рассказы («Крещение», «Желтая гора») были опубликованы в ж. «Знамя» (1989, № 3). В них отражена судьба человека, прошедшего войну — от первого боя («Крещение») до одинокой и замкнутой жизни после войны («Желтая гора»).

«Афганские рассказы» («Весенняя прогулка», «Н-ская часть провела учения», «Зимой в Афганистане», «Марс и солдат», «Пир на берегу фиолетовой реки», «Занесенный снегом дом») также впервые были напечатаны в ж. «Знамя» (1989, № 10). Рассказ «Благополучное возвращение», продолжающий афганскую тему, появился в ж. «Новый мир» (1989, № 8). «Афганские рассказы» — это повествование о военных буднях и солдатском быте. Не приукрашивая жизнь людей, выполняющих «интернациональный долг», Е. создает антивоенные и антигероические произведения.

Фабула произведений Е.— это и описание военных событий, и один из последних дней, проведенных дома, юного допризывника («Весенняя прогулка»), и ожидание возвращения мужа с войны «на Востоке» («Занесенный снегом дом»). Символическая недосказанность и пунктирность стали главной худож. особенностью Е.

Важным сюжетным элементом «афганской прозы» Е. становится описание неуставных отношений. Герой Е. (как правило, рядовой разведроты) испытывает практически одинаковое чувство постоянной опасности по отношению и к «своим», и к «чужим»: «Рота двигалась вдоль холмов. Костомыгин услышал, как шедший рядом Опарин, как и он, зеленый „сынок“, звякнул пряжкой ремня и открутил крышку фляжки. Тут же раздался глухой удар, и Опарин налетел на Костомыгина. Костомыгин обернулся. Опарин, вобрав голову в плечи, продолжал шагать, торопливо надевая фляжку на ремень. Позади него крупно вышагивал высокий, длинноногий сержант Шварев. „Надо быть начеку“, — подумал Костомыгин, отворачиваясь» («Крещение»).

Описывая солдатскую жизнь, Е. в первую очередь уделяет внимание внутреннему состоянию человека, показывает неизбежность психологических изменений, с ним происходящих. «Афганские рассказы» отразили ключевые ситуации жизни на войне — страх перед опасностью, первый шок от жестокости врагов и старших товарищей, нравственный выбор (убить или не убить, сдаваться или не сдаваться в плен), постепенное привыкание к новым нормам жизни, желание все забыть и невозможность этого. Е. точно передал иерархию и тонкости армейских отношений, тоску по далекому «Союзу» и жгучее желание вернуться домой.

Лейтмотивами прозы Е. становятся мотив ожидания и мотив сна, отражающие психологическое состояние героев, создающие ощущение грусти и безысходности. Библейские образы и мотивы также стали неизменной составляющей рассказов Е.

Особое внимание Е. уделяет созданию пейзажа. В его рассказах «было непривычно много в сравнении со стилистическими предпочтениями времени открытой поэзии, война при всей ее правдиво изображенной жестокости выглядела удивительно красивой, пахучей, пряной, и ради очередного пейзажа автор легко жертвовал сюжетной динамикой: чувствовалось, что цвет гор на закате или аромат афганских садов для него так же интересен и важен, как батальная сцена или анализ взаимоотношений „стариков“ и „молодых“» (Агеев А.— С. 199).